

Она вернется к старым привычкам, пойдет по старому кругу. Она предаст меня. И не только она, но времена и я тоже, а домашнее пространство - я привыкну обживать его с нашими детьми, моими маленькими жемчужинками, плодами нашей любви, при этом ее зачастую уже не будет с нами.

Я ничего не скажу, это в моем стиле, а боль тем временем будет пожирать мое сердце.

Затем, вернувшись однажды ночью в дом, все еще опустошенный и пропитанный желаниями других, она осмотрится по старому, посмотрит на своих безмятежно спящих детей, сядет на кухне напротив закрытого мной для нее стола и выплечет все слезы своего страдания.

Она признает, что она искала другого, нечто, что было около него, в его доме, в его постели.

Tullio Andrea Sivilotti

Io vado...

Туллио Андреа Сивилотти Я иду...

Рассказы

Я ИДУ...

Книга рассказов авторства Андреа Сивилотти

Москва: книга начата в июне 2003 и окончена в декабре 2008 г.

*Автор фотографий на обложке - Андреа Сивилотти.
автор фотографии на заднем фоне – Марко Перини.*

Все литературные права на эту книгу принадлежат автору.

Книга посвящается моей маме, которая прочитает её издалека.

Андреа

Предисловие

История знает множество необыкновенных путешествий, которые совершили такие великие люди, внёсшие вклад в развитие истории, как Марко Поло или Христофор Колумб, великие люди науки, как Чарльз Дарвин, великие люди искусства, как Гоген (и таковых действительно много), заставивших человека познать и осознать себя «созданием, по чрезвычайности влюблённым в жизнь и в те места, в которых она протекает».

Постоянно путешествовать и завоёвывать всё новые и новые рубежи – всему этому человек научился благодаря своему неуклонному развитию – техническому, экономическому и дипломатическому, придумывая все новые транспортные средства для передвижения, порой неудобные, чтобы добраться, наконец, туда, что и в наши дни считается недостижимым – на Луну.

Однако существует и другой вид путешествий, представляющийся нам непонятно почему привлекательным, загадочным образом непредсказуемым, до чрезвычайности захватывающим, - путешествие, которое не всегда даже имеет смысл пытаться осознать, но, которое, несомненно, манит человека к себе: для любого это путешествие начинается в тот момент, когда он появляется на свет.

Автор предлагает совершить бок о бок с ним именно одно из таких путешествий и в полной мере насладиться им как полноправным участникам: своё повествование он сознательно и намеренно наполнил морализаторскими сентенциями вкупе с многочисленными живописными описаниями пейзажей, ситуаций, захватывающих состояний души, настоянных на ароматных «травяных сборах», подчиняющихся жизненным циклам и настроениям сердца.

Пассажирам не предлагается «пристегнуть ремни безопасности», наоборот, - они вольны менять направление маршрута в любой момент, когда автор позволит им это сделать, наслаждаясь, при случае, захватывающими событиями из собственного прошлого или мечтая о желанном, но неизвестном будущем.

К концу этого путешествия у нас неизбежно будет печаль на сердце, потому что во многих ситуациях или персонажах, или душевных состояниях каждый с трепетом обнаружит сходство со своей жизненной ситуацией или с самим собой, а, может, и увидит в них своё зеркальное отражение.

Однако благодаря гениальной идее Автора преподнести это Путешествие в виде шкатулки, наполненной рассказами,

пересѣнными на разрозненные бумажные листы, у читателя будет всегда возможность перелистывать их снова и снова, чтобы вновь воскресить в памяти и мысленно пройти затерянными улочками, ставшими такими дорогими нашему сердцу за время путешествия.

Ингрид Вайт

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Путешествие, часть первая

Идёт уже второй час ночи, и я только начал свое путешествие, путешествие короткое и вместе с тем бесконечное. Расстояние, отдающее то место, от которого я стартовал, и пункт моего назначения, не настолько большое, однако, мне кажется, что этот переход, который я уже не раз совершал, не имеет временных рамок. То, что я собираюсь совершить, является путешествием, параллельным самому себе, движением в абстрактном измерении, но в то же время напрямую связанным с реальностью, с происходящими событиями или с прошлым, неразрывно связанным с тем, что я недавно оставил.

Но куда же я только что отправился? Куда лежит мой путь? Каков пункт моего назначения? Куда я в итоге попаду? Кого я оставил? К кому приближаюсь?

Вопросов много, и все же не так уж сложно остановиться и посмотреть вокруг изнутри себя самого, чтобы ощутить себя иноземцем, двойником собственной личности, просто сторонним наблюдателем.

Я нахожусь здесь, в одиночестве, за рулем этого автомобиля, погруженный в привычные мне размышления, или, как это называл мой преподаватель словесности, разводя «интеллектуальные сопли», потому что я научился раздваивать свою личность, разговаривая сам с собой, порой затаив дыхание, иногда – на повышенных тонах, да так, что с уверенностью могу заявить: со стороны может показаться, что у меня серьезное психическое расстройство. Но обыденность настолько монотонна и однообразна, что действительно можно начать сомневаться в том, что со мной все в порядке!

Мне нравится это непрерывное погружение в диалог, где мой собеседник – это человек, который знает меня очень хорошо, настолько, насколько я не знаю себя сам. Это постоянное противостояние, он абсолютно честен, почти всегда объективен, никогда не лжет – его беспощадная честность порой надолго выбивает меня из колеи. Можно ли, смотря фактам в глаза, игнорировать рассудок? Интеллектуальная порядочность – вот как называется это допущение, и этому труднее всего научиться.

Итак, приходится постоянно тренироваться, чтобы научиться принимать признания циничного и непреклонного судьи, живущего внутри нас самих.

Болтовня, скажет кто-нибудь, пустая болтовня для заполнения пустоты, будь это чистые листы бумаги или невыносимые минуты молчания.

В конце концов, именно слова придают ощущение значимости и являются неотъемлемой частью земного существования. Как только я пробую представить этот мир без средства общения, что бы это ни было, мне становится грустно.

Как бы мы жили без обмена информацией? Слова – одно из средств коммуникации, которые, вместе со зрением, составляют мою любимую команду.

Может быть, я слишком поздно научился осознавать ценность слова, написанного или произнесенного, ценность эрудированности, поздно обрел понимание того, что именно слово осуществляет связь времен; но в тот день, когда я начал слушать эту симфонию, влюбляясь в различные приемы выражения мысли, осознавая, насколько богат оттенками итальянский язык – в тот день я понял, что мое длинное путешествие началось, постоянное восхождение в непрерывном поиске знания.

Какие пышные выражения, какие суждения! Ах, если бы рядом был кто-то, кого мне нужно было бы заинтересовать!.. Но в машине никого нет, кроме меня, а даже если бы кто-нибудь здесь был, не думаю, что его бы заинтересовали мои фантазии. Классические неторопливые беседы, которые я обычно веду, в привычном и неизменном ритме, когда подвожу какого-нибудь друга, невинную жертву, звучат примерно так: «Разве не у тебя была прекрасная шкатулка из...?» Его не в чем обвинять! Что настолько ужасное должен совершить человек, чтобы выслушивать такую абсурдную болтовню?!

Однако я ничего не могу с этим поделать. Я наблюдаю за миром, в котором живу, и который живет вокруг меня, и нахожу все очень интересным и заслуживающим внимания. Все происходящее имеет смысл, я всегда говорю: «Ничто не случайно», потому что убежден, что все происходит потому, что должно произойти.

Например, сейчас я стою на светофоре в ожидании зеленого света, и мой взгляд начинает «прощупывать» происходящее вокруг. Уже глубокая ночь, однако даже в эти уединенные часы

мир продолжает свое непрестанное движение, и я вижу разнообразные сюжеты, которые переживают свой день.

Синьора в соседнем автомобиле в исступлении: зеленый свет ее мобильного телефона освещает ее профиль. У нее серьезное лицо, почти обеспокоенное, и я задумываюсь о том, какое сообщение она могла прочитать или о человеке, который не отвечает на ее звонок, и каждая из этих мыслей вызывает во мне встречные эмоции, будто все это происходит со мной. Это может показаться мучительным. Вовсе нет: все это заполняет меня, придает мне силы.

Вдруг она переводит взгляд в пустоту, мне кажется, будто она молится о том, чтобы все было в порядке. Именно: в порядке. Что вообще означает это слово? Почему в глазах этой женщины читается это желание? Стараюсь подобрать синоним: бытовуха.

Да, потому что все люди мечтают о возвышенном, о вдохновляющих необыкновенных приключениях, полных эффектных сцен, эмоций, от которых бурлит кровь, но как только речь заходит о реальной повседневной жизни, оказывается, что ничего этого нет и в помине. Что-то всегда должно оставаться в заветном уголке нашей души, это как видеокассета, взятая напрокат: каждый раз, когда нам хочется снова пережить какие-то эмоции, мы платим и пересматриваем любимый фильм. Не каждый день, нет, это было бы слишком обременительно, слишком волнительно, это бы ужасно нас измотало, и потом, сказать по правде, все ли мы сможем быть неотразимыми и гениальными до конца своих дней? Если для многих сейчас трудно даже хранить верность, что будет, если попросить их быть вечно влюбленными в партнера, романтичными и непредсказуемыми дни и ночи напролет...

Думаю, не стоит даже заикаться об этом.

Итак, мы довольствуемся тем, что нас просто любят, думаем, проснувшись утром: «В общем-то, у других бывает и хуже!..» Я предпочитаю быть среди последних, тех, кто просыпается по утрам в такой огромной и безутешно пустой постели, но в сердцах которых теплится огромная воодушевляющая любовь, которую их разум способен постичь, пусть она и не материализовавшаяся до конца. Любовь не терпит удовлетворения: иногда бывает лучше сохранить о ней лишь воспоминание.

Не прошло и доли секунды, а мой мозг уже задумывается на эту важную тему, тем временем женщина останавливается на светофоре, внезапно поворачивается, и на мгновение наши взгляды встречаются: в ее глазах я вижу подтверждение своих ощущений. Она смотрит на меня, не видя меня самого, мысли полностью отгораживают ее от внешнего мира, от происходящего вокруг – все бессмысленно и незначительно. Меня для нее не существует, так же, как светофора, внутренний мир стоит у нее перед глазами, такими пустыми и отсутствующими, но говорящими о многом.

Сейчас наши лица освещаются более мощным светом – это зеленый свет свободной дороги, сближающий всех нас, который понятен всем нам, ведь в недавнем прошлом влиятельные люди договорились и решили, что этот цвет будет сигналом пути.

Все окружающее нас – это «договоренность»: всегда есть кто-то, кто, опередив нас, вместе с другими рушил, что это будет называться именно так.

Сейчас мне действительно хотелось бы знать, остались ли там, на линии светофора, тяжелые мысли, омрачавшие то много пережившее, но все еще полное очарования лицо незнакомки, или же они отправились вслед за ней, когда она нажала на газ.

Она очень спешила, и от нее у меня осталось только ощущение беспокойства, которое я прочитал на ее лице, и едва заметный свет ее фар, которые маячат где-то далеко впереди меня.

Я продолжаю свое путешествие, но этот печальный образ остался во мне; кто знает, сколько раз мой взгляд, затуманенный моими обычными галлюцинациями, интересовал и беспокоил какого-нибудь недоумевающего путешественника. Быть может, это всего лишь паранойя таких людей, как я, у которых много свободного времени, а во взгляде той женщины читалось: «Тебе что, больше нечего делать, кроме как тарашиться на меня?...»

Дилеммы, которые не дают ни минуты покоя моему макиавеллевскому мозгу. Порой кажется, что даже мой гипотетический слушатель, другой я, не прислушивается к моим монологам, он, который просто обязан критиковать меня, чтобы вывести на прямую дорогу.

Временами я выхожу из состояния транса и слушаю тексты песенок, которые передают по радио.

Эти песни некоторые определяют как «суицидальные», я же предпочитаю воспринимать их как звуковое сопровождение настоящего момента моей жизни. Если они грустные, а я не люблю веселую музыку, то мне хочется пережить эмоции, оживающие в моей душе, и кажется, что каждое слово текста песни написано и для меня тоже. Это сильно успокаивает, и мне начинает казаться, что есть человек, который понимает все, что творится у меня в голове.

В то же время те же самые песни, которые я вынужден слушать, возвращают меня туда, откуда я начал. С тех пор прошло не так уж много времени, однако кажется, что даже время против меня: оно безжалостно. Я наблюдаю за движением минутной стрелки, и с каждым щелчком мне начинает казаться, что я снова вижу один из отрывных календарей, которые одно время были популярны и часто встречались в парикмахерских: каждое утро управляющий должен был оторвать листок прошедшего дня, открывая дорогу новому дню, ведь эти листочки и были - сами дни. Не минуты – дни.

Упорядочение времени – это тоже договоренность, но в такие моменты, как сейчас, когда мы смотрим на наши измерители времени, часы, какими бы красивыми, драгоценными и точными они не были, нам начинает казаться, что они сломались, или спешат, или, наоборот, отстают. И тогда мы бежим к часовщику, чтобы он их проверил, спрашивая время у прохожего или осматриваясь по сторонам в поисках часов. Но сколько раз нам хотелось проиграть в этой гонке и жить в сомнениях: а вдруг наши часы действительно ошибаются? Сколько раз мы надеялись, что наше непогрешимый и точный измерительный инструмент действительно сломался?

Со мной такое часто бывает, и мне бы хотелось, чтобы на протяжении этого путешествия время следовало за ударами моего сердца, а не за непреклонным и неизменным тиканьем часов.

ГЛАВА 2

Виктор.

На часах 7.30 утра очередного летнего утра. Наш герой остановился в маленькой таверне, затерянной в маленькой горной деревушке в Карнии, что в области Фриули.

В баре пахнет табаком и овощами, жена хозяина расположилась за столом у окна и, бросив на вчерашнюю газету целую гору овощей, собранных в огороде поблизости, принялась их чистить.

-Наш дорогой Витторио, сегодня я приготовлю Ваш любимый суп, Вы рады?

Ему нравилось, что в этой деревушке его считали почти что родным, в конце концов, он жил у них под боком вот уже 5 недель. И, по правде говоря, ему даже нравилось, когда его называли таким странным для него именем, ведь синьоре Марии никак не удавалось выговорить его настоящее имя – Виктор.

-Благодарю Вас, синьора, не стоит так беспокоиться только ради меня...

-Душа моя, знаешь ли ты, что и тот бука за стойкой просто обожает мой овощной суп, хотя никогда в этом не признается, правда, Джиджи?

Далее последовало невнятное бормотание, смешанное с такими ругательствами, каких я прежде никогда не слышал.

Синьоре Марии было уже за шестьдесят, но ее руки были по-прежнему проворны и точны в привычных движениях, и казалось, что энергия прошлого придавала ей сил. Тех прошедших времён, когда на женщинах лежала обязанность содержания семьи, тогда как мужчины, странствуя по миру, занимались скромной и мало оплачиваемой работой.

Муж с женой уже давно были на пенсии, еще у них было двое сыновей, продолжающих их дело. Однако утро принадлежало им, «старикам», так их ласково называли сыновья; кто как не пожилой человек может подняться в такую рань, когда день только старается занять место ночи? Быть может, им движет неосознанный страх того, что осталось очень мало времени, или мешает груз пережитого, однако точно одно: каждый час, отданный сну, он считает потерянным.

Джиджи вдруг заговорил громко, передавая Виктору большую чашку с кипятком:

-Виктор... Вы уверены, что не хотите пропустить стаканчик черничной граппы? Домашняя, отличная вещь, ее делает мой кузен Дарио, механик, помните его? Давай, тебе понравится...

-Джиджи! Остань от Витторио со своими глупостями, разве ты не видишь, что он еще ребенок? Витторио, не слушай его...

-Да ну! Я в его годы..., - он раздосадовано отвернулся от жены, подтянул брюки, словно демонстрируя, что только он имеет право носить их в этом доме, вернулся за стойку и сделал радио погромче.

Виктор уже привык к этим утренним сценкам, и он, как и все посетители таверны, веселился вовсю, как будто он добровольно принимал участие в комической театральной постановке.

Он спокойно выпил чай в сопровождении великолепного творожного пирога, приготовленного по строгому рецепту синьоры Марии.

Он всегда носил с собой ежедневник, белые листочки бумаги, которые заполнял записями и рисунками самым беспорядочным и непостижимым образом. Несмотря на превосходное знание итальянского языка, он, как и все, оставлял заметки на своем родном, русском языке. Старики, которые видели его сосредоточенным, погруженным в страницы, переполненные знаками и незнакомыми им буквами, с сострадательно-удивленной улыбкой только качали головой, бормоча что-то на местном диалекте, а затем их мысли и взгляды снова возвращались к столу для того, чтобы «сообразить» еще одну партию в карты.

- Вчера вечером, возвращаясь из молочного магазина, я проходил мимо Мадонны: кажется, ты ее почти закончил..., - сказал один из четырех пожилых игроков, сопровождая вопрос добрым глотком белого вина.

- Куда там! Конечно, она еще не готова, но большую часть работы я уже сделал, осталась только отделка и защита... Думаю, мне понадобится еще пять – шесть дней, и тогда я перестану вас мучить, – он завершил речь дружелюбной улыбкой, запуская руку в длинные светлые волосы, чтобы собрать их в хвост.

-Витторио, ты знаешь, здесь все тебя любят, ты заслужил почетное гражданство..., - добавила синьора Мария, смотря поверх очков и не прерывая работу. – Именно потому, что ты не уступаешь Джиджи... вечно он со своей граппой... фу! – И в то время как весь бар растянулся в общей улыбке, из-за стойки доносились проклятия и брюзжание вперемешку с современными песенками, лившимися из радиоприемника.

Не смотря на Виктора и продолжая изображать неподдельный интерес к игре, один из квартета с дружеским сарказмом произнес:

- Да-да, все до единого здесь тебя очень любят, – он сделал акцент на слове «все».

- В особенности некая Аннина! – очередная общая ухмылка, сопровождаемая обычными ругательствами Джиджи, сосредоточенно протирающего бокалы.

Анна, которую все в баре считали еще совсем девчонкой, отсюда это уменьшительное имя, была младшей дочерью Джиджи и Марии.

Двадцать четыре года, высокая и невероятно грациозная, мягкая и в то же время привлекательная и напористая, в общем, вся в мать.

За эти пять недель она буквально потеряла от него голову. Она делала все, чтобы быть с ним рядом и работать тогда, когда была уверена, что он придет. Иногда случалось, что она приходила к Мадоннине, когда он работал. Она не осмеливалась его отвлекать, просто молча стояла снаружи и смотрела на него.

В рюкзаке у нее всегда лежала какая-нибудь интересная книжка, она сидела неподалеку, в тени яблони, в надежде, что рано или поздно он обратит на нее внимание.

Виктор, тридцати трех лет, на вид чуть больше двадцати, родился и жил в Москве до девятнадцати лет. Высокий, худой, как я уже говорил, с длинными прямыми светлыми волосами. Четкие и глубокие черты лица, очень красивые, всегда светлые глаза, и борода, говорящая о том, что ее обладатель еще слишком молод, чтобы за ней ухаживать. Очень спокойный и молчаливый, говорит редко, но слушает много.

Взгляд всегда внимательный и любопытный; несмотря на то, что он не склонен доверять людям, у него всегда безмятежный вид, но он не любит делиться своими мыслями с другими. Кажется, что его способ общения – это хорошо обдуманное решение избегать любых вопросов.

Со временем он изобрел способ, как оставаться незамеченным – нужно лишь маскироваться под окружающую обстановку так, чтобы об этом никто не догадался.

Если хорошо подумать, все это делает его еще более загадочным и заслуживающим обсуждения, но мы, рассказывающие об этом странноватом создании, идем не вместе с ним, а ему навстречу.

И Анна одна из нас.

Что еще можно сказать об этом путешественнике? Он бывал по большей части в провинциальных местечках, где люди знали друг друга по именам, и каждая новость мгновенно распространялась из дома в дом, из таверны в таверну.

Из этого вытекает следующий вопрос: - Кто он такой? Кто его позвал? – и конечно же: - Чем занят этот тип?

-Таким же делом, как и все! – отвечал он тем, кого смущал его профессиональный выбор.

Сказать по правде, это трудно назвать профессией, он никогда не учился в институте искусств, не ходил на курсы живописи и никогда в жизни не работал в паре с каким-нибудь художником, однако он реставрировал иконы. Все хотя бы раз в жизни видели этим маленькие и безымянные домишки, разбросанные вдоль небольших трасс, внутри которых хранятся священные изображения или скульптуры. Благодаря его кропотливой работе они обретали былое сияние.

Он начинал почти шутя, реставрируя статуэтки рождественской композиции почти натуральной величины, которые ему предоставил знакомый монах.

Затем поползли слухи, и вот его стали приглашать в соседние деревни и дальше для небольших реставрационных работ, а именно – священных образов.

Поначалу он работал за продукты, ночлег и предметы первой необходимости, затем стали платить понемногу, столько, сколько считали возможным отдать чужеземцу.

Тем временем, жители этих деревень, слишком маленьких для того, чтобы считаться административными единицами, высоко оценили его мастерство и благодаря общим сборам выплачивали ему жалование.

Кочевник, который так долго и вольготно странствовал на своем видавшем виды Рено 4, чуждый любому давлению со стороны общества, любым проявлениям стресса, спровоцированного буднями, скоротечными, но уныло повторяющимися внонь.

Отшельник по доброй воле, а может быть – по воле случая, этого не знает никто, даже он сам. По сути, он никогда этим не тяготился и не пытался ничего изменить.

Ему было настолько интересно его занятие, места, в которых приходилось бывать, люди, которых он встречал, что, казалось, он не собирался что-то менять.

Ему были необходимы знания, особенно в области техники, ведь он стал популярен в своей отрасли и задачи становились все сложнее.

Да, поскольку, как я уже говорил, он конечно же не был человеком, который переживал из-за своей карьеры. Все знали, что едва закончив работу, он отправлялся на поиски следующей, ничего не планируя и не загадывая наперед.

-Когда я закончу, тогда все будет готово, - говорил он с доброй улыбкой.

Было увлекательно наблюдать за ним в первые дни работы, когда он стоял перед изображением или статуей, пытаясь найти взаимодействие.

Он сидел напротив, чаще всего облокотившись спиной о дверь своей машины, не отрывая взгляд от работы, а тем временем из кабины доносился сладкий обворожительный голос Билли Холидей в период расцвета.

Он часами медитировал и размышлял. Он создавал в воображении взаимосвязь между ним самим, изображением и окружающей средой, атмосферу взаимного обмена информацией.

И если кто-то всерьез интересовался, зачем он все это делает, ответ был прост:

-Мне нужно восстановить не столько изображение, сколько сущность его создателя. Посредством его знаков, оттенков, выбранных цветов, надсечек и формовки я должен проникнуть в его сознание. Мое сердце должно научиться биться в такт с сердцем создателя этого произведения, так, чтобы мое сознание и в особенности сердце звучали в унисон и могли инстинктивно управлять руками.

-Но как ты понимаешь, что ты на верном пути?

-Не знаю, я просто слушаю свое сердце, впрочем, я работаю от случая к случаю, к сожалению, мало зная об исторической ценности произведения.

Что ж, разве можно спросить у бутона розы, почему он выбрал именно этот день, чтобы раскрыться и предстать перед миром во всей красе? Не думаю, ведь ты просто дождешься, когда это произойдет, а когда это наконец случится, ты будешь с радостью наблюдать это чудо природы, свидетелем которого ты стал. Так, все твои вопросы в итоге станут их ответами. Я не собираюсь вершить великие дела, я хочу лишь пролить свет на то, что сейчас находится в тени.

– Слегка опрометчивое допущение, но это не был его выбор – такова была природа Виктора.

-Привет, дорогой русский, день добрый! Как идут дела?

Прекрасная, как чудесный день в начале лета, Анна пришла к Мадонне, чтобы насладиться компанией мужчины, который с некоторых пор завладел всеми ее мыслями – и ее сердцем.

-Добрый день, Анна, сегодня действительно чудесный денек, природа здесь воистину прекрасна, она меня невероятно вдохновляет...а ты? Ты из Университета?

-Да, сегодня у нас была только одна пара, да и мама хотела, чтобы я пораньше вернулась домой, чтобы помочь ей подготовиться к вечеринке. Кстати, утром она забыла спросить, сможешь ли ты прийти пораньше, чтобы нам помочь...

-Вечеринка? По какому поводу? – он с любопытством обернулся, однако, не отвлекаясь от работы.

-Годовщина свадьбы моей сестры, уже пять лет, это немало, мама готовит на ужин хлопья. Папа уже готовит дрова, чтобы приготовить мясо на гриле. Ты когда-нибудь пробовал ее гриль?

-Кажется нет. Я действительно смогу вам помочь?

-Конечно, я уже обо всем распорядилась: пока родители с сестрой будут готовить ужин и ухаживать за гостями, мы с тобой будем работать за стойкой, а еще лучше – ты займешь место папы, а я буду обслуживать столики, что скажешь?

-Интересная идея, я никогда не был барменом...надеюсь, меня не попросят о чем-то особенном... - ему действительно понравилась эта идея, он оставил свои баночки с водой и с улыбкой сказал, повернувшись к Анне:

-Знаешь, что я думаю?

-Что?

-Сегодня я хорошо поработал, день получился плодотворным, да и вечер обещает быть трудным, думаю, мне нужно прерваться...давай что-нибудь выпьем? Может, ты расскажешь мне про их брак...

-Буду рада, только не водку, пожалуйста.

Он встал с табурета, улыбаясь, и направился к машине, припаркованной у дороги, качая головой в знак неодобрения.

Легендарная Рено 4, слегка устаревшая, но в отличном состоянии. Экипированная так, будто она собралась в продолжительное и ответственное Сафари. Действительно, Виктор вел жизнь кочевника, порой его клонило в сон от того, что все шло по своему обыденному пути и имело смысл.

К багажнику был прикреплен алюминиевый сундук, в котором хранились вещи, не имеющие отношения к повседневному быту.

Виктор достал из сундука деревянный ящичек и с загадочным видом повернулся к Анне. Сделав пару шагов, он внезапно остановился. Анна замерла в нетерпении узнать, что же было в этом загадочном ящичке; Виктор подмигнул ей и повернулся к автомобилю. Достал с заднего сиденья покрывало и приблизился к ней.

Они расстелили одеяло под яблоней, и Анна с нетерпением спросила:

-Ну, я умираю от любопытства! Что это такое?

-Не спеши, весь мир куда-то торопится... Потерпи немного и поверь: я выбрал такую жизнь именно потому, что не хотел бы, чтобы кто-то меня подгонял.

-Прости, я не хотела...

-Что ты, не нужно извиняться...., - и, доставая из ящичка два винных бокала, чем-то напоминающих коньячные фужеры, он смотрел на нее с лукавой улыбкой из-под непослушных прядей волос, выбившихся из хвоста и падавших ему на лицо.

-Любопытство всегда сильнее нас, оно неизбежно заставляет нас спешить. Это нормально. Подумай: человек, благодаря которому я могу посмаковать этот нектар, помог мне замедлить мою жизнь и дорожить всеми ее подробностями.

Анна смотрела на него хмельными от происходящего вокруг глазами, наблюдая, как он открывал старую и темную бутылку портвейна. С видом эксперта он разлил вино в бокалы, и жидкость теплого цвета заиграла в изогнутых хрустальных стенках, также как слова его рассказа, это сладко согрело ее душу.

Они расположились на небольшом склоне, и солнце, которое тем временем уже клонилось к закату, уступало землю тени, которую отбрасывала яблоня.

-Речь идет об одном синьоре средних лет, который помог моей семье, когда умер мой отец. Я тогда был еще мальчишкой, все время возбужденным и раздражительным, разобиженным на весь белый свет за свою несчастную и злополучную жизнь, которую мне приходилось вести. Он же ласково садился рядом со мной и рассказывал о своем близком друге Рубене...

Отец Виктора умер совсем молодым, когда ему было всего пятнадцать лет, и как все ребята в его возрасте, он чудовищно переживал эту потерю. В эти годы в России начались большие перемены, и жизнь небогатых семей была очень непростой: нельзя сказать, что раньше было намного лучше, но и будущее не обещало им никаких улучшений.

Ему, самому младшему из четырех сыновей и старшему для своих двух сестер, всегда следовало сопровождать отца после его жалких, скудно оплачиваемых подработок и просить милостыню в метро.

В детстве его одевали в самые мятые и заношенные лохмотья. Он должен был разыгрывать унижительную роль голодного ребенка, в то время как отец, потеряв всякую гордость и чувство собственного достоинства, болтал ужасающую ерунду, чтобы выклянчить нищенское подаяние и суметь прокормить свою многочисленную семью.

Маленькому худощавому существу нужно было завершить работу, пройдя между рядами пассажирских сидений, в надежде получить минимальное вознаграждение.

Вернувшись домой, отец тщетно пытался подбодрить сына, который, несмотря на ранний возраст, оказался в такой страшной ситуации.

Слова отца были добрыми и воодушевляющими, но они не могли восполнить этому прекрасному личику недостаток самоуважения. Обещания, данные на словах, никогда не становились реальностью, они так и умирали там, в горле отчаявшегося родителя, столкнувшись с комком, который возникал у него при виде разочарованных глаз его ангелочка.

Обещания умирали так же, как неожиданно умер еще молодой отец, когда Виктор был подростком и в который раз пытался раздобыть немного денег и уважения на одной из многочисленных строек, где надежность работы была лишь видимостью, а жизнь рабочего ценилась меньше его жалованья.

ГЛАВА 3

Рубен

Он открыл глаза и медленно повернулся к маленькому ночному столику, высунул руку из-под одеяла в холодный простор комнаты и выключил большой будильник.

Как всегда, он даже не успел прозвонить. Будильник был своего рода гарантией того, что если он по какой-то причине не проснется, громкая трель этого старинного изделия обязательно все исправит.

По правде говоря, он даже не был уверен, что будильник исправен, однако он никогда не пытался это проверить. Если он действительно сломан, совесть обязательно подскажет ему купить новый, только зачем? За шестьдесят лет он ему ни разу не понадобился. Он был у него еще с тех времен, когда он жил со своими родителями и даже не слышал его звонка.

Он снова засунул руку под теплое одеяло, размышляя, что у него еще есть несколько минут, перед тем, как встать. Важные минуты, когда разум и тело начинают необходимые приготовления к открывающемуся перед ними дню. Энергетическая подзарядка, гармоничное расположение мыслей, новая расстановка приоритетов. Что, как и когда нужно сделать, каждое повседневное действие.

Он сбросил одеяло, сел и надел тапочки, с вечера оставленные у кровати. Медленно поднялся и сделал несколько шагов к окну.

Последовательность ритуальных действий, которые любой обыкновенный человек, как и Рубен, повторяет каждое утро как маленькие свершения.

Многочисленные заплатки из картона и липкой ленты, по сути, затмевали всю естественную прозрачность окна. Маленькие стеклянные квадратики, сквозь которые проглядывал и пробивался день, местами виднелись то там, то тут.

В тот утренний час солнце еще не проснулось, и величественная темнота господствовала снаружи, разрываемая временами лишь слабым светом дорожных фонарей.

С годами Рубен научился выхватывать, несмотря на темноту, даже едва уловимые оттенки погоды нового дня.

Он надел очки, сощурил глаза так, как это делают люди со слабым зрением, и приступил к своим размышлениям.

-Дождя не было, это точно...- это было первое заключение, затем он догадался, что день будет в любом случае холодный и сырой.

Комната, в которой он просыпался каждое утро, была маленькая и плохо отапливаемая. Только порядок и хороший вкус давали этому месту достаточно энергии, чтобы сопротивляться

козням сурового немилосердного времени, когда временами зуб на зуб не попадал от холода, или из-за духоты и влажности становилось трудно дышать.

Немногочисленная мебель была расставлена с большой любовью, а маленькие стены приносили максимум пользы. Крошечная каморка была приспособлена под ванную: это был кабинет с умывальником на стене, а на полочке под зеркалом все было расставлено с маниакальной аккуратностью, и у каждой вещи было свое собственное место.

Он провел рукой по щеке, чтобы определить нужную длину бороды и, глядя в зеркало, аккуратно подровнял усы парикмахерскими ножницами.

Длинные серебристые волосы, казалось, не нуждались в укладке, и только одна резинка собрала их на затылке в гладкий блестящий хвост.

Волосы были его гордостью. С юности ему пришлось смириться с переменной их цвета, который из светло-каштанового постепенно стал серым, цветом мудрости и зрелости. Он быстро научился не думать о том, какое впечатление он производит, а наслаждаться всеми преимуществами своего возраста.

В молодости мы не очень-то любим размышлять, и если по случайному капризу природы что-то в нашем организме начинает преждевременно стареть, все воспринимается намного проще.

Зрение тоже подвело его в раннем возрасте, и эта смесь волос с проседью и очков интеллектуала делали его взрослее в глазах других, придавали мудрости, которая со временем сформировала его индивидуальность.

Он подошел к маленькому столику, тщательно подготовленному к завтраку. Он протянул вниз короткий шнур и включил слабую лампочку, которая освещала его драгоценную кухню: пара электрических плиток, деревянная столешница, покрытая тысячью морщинок от ножа, на которой он любил готовить свои простые, но изысканные блюда, а на нескольких аккуратно развешанных полках - целая серия всевозможных баночек и склянок со всякого рода специями и приправами.

Кофеварка была уже готова, оставалось только засыпать в нее кофе. Он настолько любил эту первую утреннюю чашку кофе, что никогда бы не согласился на более быструю процедуру в ущерб конечному результату. Было бы большой ошибкой заполнить кофеварку накануне вечером, кофе потерял бы весь драгоценный аромат, и опьяняющий запах этого горячего напитка не наполнил бы воздух его комнаты.

В эмалированной кастрюльке согрелось молоко, а в это время трели кофейника сопровождали последние приготовления к завтраку.

Из радиоприемника едва слышно раздавались звуки легкой музыки. Мягчайший голос, почти шепот, временами вмешивался, рассказывая эпизоды из жизни авторов и исполнителей этих песен.

Облокотившись локтями на стол, с чашкой в руке, он дул на горячую смесь, в то время как его взгляд блуждал по раме, которая висела на противоположной стене. Это была абстрактная композиция: коллаж из фотографий и открыток теперь уже из давнего прошлого.

Каждое изображение содержало пережитую им эмоцию, существенный момент его жизни.

И пока его разум продолжал это путешествие внутрь себя, ему понемногу удалось разложить по местам ингредиенты для завтрака.

Он надел свою тщательно вычищенную и отутюженную форму. Надевая ее, он покачал головой, что проделывал каждое утро: он никогда не одобрял выбор ярко-оранжевого цвета для рабочей одежды. Он вспомнил мундир, который носил много лет назад: темно-голубого цвета, что выглядело очень профессионально. Ему объяснили, что оранжевый цвет был выбран из-за предосторожности, но он всегда был внимателен на дороге и научился замечать любую опасность.

Он не любил вступать в спор, и отнесся к этой перемене с улыбкой. В общем, те, кто его знал уже давно, никогда бы не осмеяли его и не приняли за кого-то другого, наоборот, многие подумали бы, что его повысили за многочисленные заслуги и большой стаж безупречной работы.

Он тоже хорошо изучил людей, работая на улице. Он наблюдал за сменой целых поколений. Люди, которые приехали издалека и осели здесь, и другие, которые покинули отчий двор, в котором выросли и достигли зрелости.

Рубен наводил чистоту на улице. Он был дворником – ему нравилось, когда его так называли.

В тот день он, как обычно, запер дверь и выкатил из импровизированного амбара свой рабочий велосипед.

Он единственный из всех ездил на велосипеде. Все его коллеги уже давно обзавелись моторизованным транспортом: кто грузовичком, кто мотоциклом, но он попросил об одолжении оставить все как есть.

Никто не был против: к нему все хорошо относились и действительно любили. Коллеги считали его вторым папой.

Встретить его рано утром на стареньком, выдавшем виды велосипеде считалось хорошей приметой.

Услышав гроыхание, которое издавали метла и лопата вместе с ритмичным поскрипыванием цепи, все уже знали, что точный, как швейцарские часы Рубен начинает свой рабочий день.

И каждое утро коллеги, получив свои рабочие инструменты, шли на другой конец улицы, чтобы поприветствовать Рубена.

Он начинал с площади перед киоском: ему было важно, чтобы к моменту приезда грузовичка с газетами здесь было чисто и свободно.

От холодного ветра его щеки краснели, а губы трескались, пока он вел бесконечную борьбу с назойливыми листьями величественных берез, высаженных на бульваре. Казалось, этой бесконечной осенью, которая никак не хотела уступать место другому времени года, их листья будут вечно падать и бросаться врассыпную.

Когда потихоньку наступало детское время – время, когда ребяташки шли в школу, он замедлял свой ритм и позволял себе короткие передышки. Каждый из этих маленьких человечков, чаще всего согнувшийся под тяжестью книг, приветствовал его, проходя мимо. Кто-то выглядывал из-за маминых юбок, кто-то подбегал, чтобы он потрепал его по голове, а кто-то надолго останавливался поболтать, из-за чего сильно опаздывал на урок.

Были и такие, кто любил вспоминать летние каникулы, когда школы были закрыты, и они помогали Рубену по работе, стаскивая тяжеленные жестяные бидоны с его велосипеда, мешки с листьями и макулатурой, собранные им во время его странствий.

Им нравилось его общество, ему удавалось завладеть их вниманием так, что любой учитель мог этому позавидовать.

Школа была ему хорошо знакома: он служил там много лет назад, прежде чем решил проводить больше времени на свежем воздухе.

Многие родители, которые живут на той улице, помнят этого уже немолодого мужчину, который когда-то встречал их в черном халате в подсобке и мог утешить после проваленного экзамена или кажущегося несправедливым выговора.

Теплота произносимых им слов казалась плодом его умения внимательно читать невысказанные желания на юных личиках. Никто и ничто не могло соперничать с ним.

Во время работы он научился слушать лекции, которые читали в соседних классах, а вечерами читал книги, забытые кем-то под партой. И таким образом он сделался своего рода репетитором для менее внимательных учеников.

Как? Он полностью выдумывал истории, которые, как утверждал, пережил сам, с единственной целью привлечь внимание менее прилежных ребят и пробудить в них желание углубиться в книги, поскольку им очень нравились рассказы Рубена.

Теперь его работа была простой – подметать улицы, известно, что о такой работе не мечтают в детстве, но этот человек по сей день находил возможность придавать смысл своей жизни.

Вернувшись домой вечером, он знал, что день не выскользнул из его рук, и он оставил свой след на той улице, пусть даже небольшой.

Правда, завтра ему придется начинать заново, множество листьев снова упадет на дорогу, и много мусора набросают за бордюры, и он смешается с листьями, но в сердцах тех, кто хотя бы раз улыбнулся, навсегда сохранится воспоминание о его пути.

Вот, например, мама торговца рыбой, которая помогает сыну загрузить фургон, чтобы ехать на рынок, а затем приглашает его на чашечку только что сваренного горячего кофе; или владелец бара за углом, который упрямо не берет у него деньги за полуденный бутерброд, отдавая таким образом долг за хорошо сданный экзамен и его псевдорепетиторство... Рубен живет этими чувствами: он никогда не чувствовал себя брошенным, и хотя судьба не дала ему шанс реализовать его заветную мечту, мечту о большой любви, он никогда не переставал любить тех, кто его окружал.

День подходил к концу, его бидон, как всегда, полон до краев. Там, посреди бумажек, окурков, листьев и всякой всячины, осталась часть той улицы, кусочек жизни каждого живущего человека, а также частица самого Рубена.

Но это не просто куча мусора на выброс, нет, она лишь должна уступить место новым событиям и новым эмоциям, которые день за днем обновляются и сменяют друг друга.

Велосипед уже на подходе, еще немного – и он снова вернется на свое место, вот и коллеги по доброй традиции прошли друг за другом мимо него и пожелали приятного вечера.

И, как это бывало каждую неделю, каждый из них соребновался за право пригласить его на воскресный обед.

Поначалу он даже думал, что это было проявление ханжества, а затем понял, что ошибался, и что его общество действительно желанно, так же, как и это приглашение для него.

Готовящийся ужин наполняет комнату запахами и ароматами, распространяющимися по всему особняку. На террасе слышен голос молодой соседки, которая, опьяненная ароматами, источаемыми уже почти готовыми блюдами, интересуется рецептом и тонкостями приготовления.

Радиоприемник, который не менялся уже много лет, составляет ему компанию после ужина. Радиоприемник, который не менялся на протяжении многих лет, создает звуковое сопровождение его вечернего отдыха.

Холод прошедшего дня, тяжесть работы в это время года - все это утомляет его, а сладостное кипение общей ванны лишь усивает это ощущение.

Обычно вечерами ему хотелось прогуляться по центру, может быть, выпить рюмку водки в баре и послушать какого-нибудь молодого уличного музыканта, который вечерами развлекает прохожих.

Как знать, быть может, завтрашний день будет легче; и, бросив последний взгляд в окно, он угадывает в этой безветренной ночи своего товарища по несчастью, из-за беспорядка и вереницы листьев на земле.

Как знать, быть может, завтрашний день будет легче; и, бросив последний взгляд в окно, он надеется, что ночь будет безветренной, ведь ветер несет с собой беспорядок и вереницы листьев на земле. Гаснет бледная лампочка убогого цокольного этажа.

Ночь проходит неторопливо и спокойно, и в неизвестном особняке, где уже много лет подряд живут все те же десять семей, утреннюю тишину еще задолго до восхода солнца вновь разрывает жалобная трель будильника.

На цокольном этаже, изнемогает в своем последнем плаче старый и уставший будильник, который никто не выключит...